

Достоевский Ф. М.: Бесы (Die Dämonen)
Kapitel 7-II und 8

5

II

- Верховенский замечательно небрежно развалился на стуле в верхнем углу стола, почти ни с кем не поздоровавшись. Вид его был брезгливый и даже надменный. Ставрогин раскланялся вежливо, но, несмотря на то, что все только их и ждали, все как по команде сделали вид, что их почти не примечают. Хозяйка строго обратилась к Ставрогину, только что он уселся.
- 10 - Ставрогин, хотите чаю?
- Дайте, - ответил тот.
- Ставрогину чаю, - скомандовала она разливательнице, - а вы хотите? (Это уж к
- 15 Верховенскому.)
- Давайте, конечно, кто ж про это гостей спрашивает? Да дайте и сливок, у вас всегда такую мерзость дают вместо чаю; а еще в доме именинник.
- Как, и вы признаете именины? - засмеялась вдруг студентка, - сейчас о том говорили.
- Старо, - проворчал гимназист с другого конца стола.
- 20 - Что такое старо? Забывать предрассудки не старо, хотя бы самые невинные, а, напротив, к общему стыду, до сих пор еще ново, - мигом заявила студентка, так и дернувшись вперед со стула. - К тому же нет невинных предрассудков, - прибавила она с ожесточением.
- Я только хотел заявить, - заволновался гимназист ужасно, - что предрассудки хотя, конечно, старая вещь и надо истреблять, но насчет именин все уже знают, что глупости, и
- 25 очень старо; чтобы терять драгоценное время, и без того уже всем светом потерянное, так что можно бы употребить свое остроумие на предмет более нуждающийся...
- Слишком долго тянете, ничего не поймешь, - прокричала студентка.
- Мне кажется, что всякий имеет право голоса наравне с другим, и если я желаю заявить мое мнение, как и всякий другой, то...
- 30 - У вас никто не отнимает права вашего голоса, - резко оборвала уже сама хозяйка, - вас только приглашают не мямлить, потому что вас никто не может понять.
- Однакоже позвольте заметить, что вы меня не уважаете; если я и не мог закончить мысль, то это не оттого, что у меня нет мыслей, а скорее от избытка мыслей... - чуть не в отчаянии пробормотал гимназист и окончательно спутался.
- 35 - Если не умеете говорить, то молчите, - хлопнула студентка.
Гимназист даже привскочил со стула.
- Я только хотел заявить, - прокричал он, весь горя от стыда и боясь осмотреться вокруг, - что вам только хотелось выскочить с вашим умом потому, что вошел господин Ставрогин, - вот что!
- 40 - Ваша мысль грязна и безнравственна и означает все ничтожество вашего развития. Прошу более ко мне не относиться, - протрещала студентка.
- Ставрогин, - начала хозяйка, - до вас тут кричали сейчас о правах семейства, - вот этот офицер (она кивнула на родственника своего, майора). И уж, конечно, не я стану вас беспокоить таким старым вздором, давно порешенным. Но откуда, однако, могли взяться
- 45 права и обязанности семейства в смысле того предрассудка, в котором теперь представляются? Вот вопрос. Ваше мнение?
- Как откуда могли взяться? - переспросил Ставрогин.
- То есть мы знаем, например, что предрассудок о боге произошел от грома и молнии, - вдруг рванулась опять студентка, чуть не вскакивая глазами на Ставрогина, - слишком
- 50 известно, что первоначальное человечество, пугаясь грома и молнии, обоготворило

невидимого врага, чувствуя пред ним свою слабость. Но откуда произошел предрассудок о семействе? Откуда могло взяться само семейство?

- Это не совсем то же самое... - хотела было остановить хозяйка.

- Я полагаю, что ответ на такой вопрос нескромен, - отвечал Ставрогин.

55 - Как так? - дернулась вперед студентка.

Но в учительской группе послышалось хихиканье, которому тотчас же отозвались с другого конца Лямшин и гимназист, а за ними сиплым хохотом и родственник майор.

- Вам бы писать водевили, - заметила хозяйка Ставрогину.

60 - Слишком не к чести вашей относится, не знаю, как вас зовут, - отрезала в решительном негодовании студентка.

- А ты не выскакивай! - брякнул майор, - ты барышня, тебе должно скромно держать себя, а ты ровно на иголку села.

- Извольте молчать и не смейте обращаться ко мне фамильярно с вашими пакостными сравнениями. Я вас в первый раз вижу и знать вашего родства не хочу.

65 - Да ведь я ж тебе дядя; я тебя на руках еще грудного ребенка таскал!

- Какое мне дело, что бы вы там ни таскали. Я вас тогда не просила таскать, значит вам, господин неучтивый офицер, самому тогда доставляло удовольствие. И позвольте мне заметить, что вы не смеете говорить мне ты, если не от гражданства, и я вам раз навсегда запрещаю.

70 - Вот все они так! - стукнул майор кулаком по столу, обращаясь к сидевшему напротив Ставрогину. - Нет-с, позвольте, я либерализм и современность люблю и люблю послушать умные разговоры, но, предупреждаю - от мужчин. Но от женщин, но вот от современных этих разлетаек - нет-с, это боль моя! Ты не вертись! - крикнул он студентке, которая порывалась со стула, - нет, я тоже слова прошу, я обижен-с.

75 - Вы только мешаете другим, а сами ничего не умеете сказать, - с негодованием проворчала хозяйка.

- Нет, уж я выскажу, - горячился майор, обращаясь к Ставрогину. - Я на вас, господин Ставрогин, как на нового вошедшего человека рассчитываю, хотя и не имею чести вас знать.

80 Без мужчин они пропадут, как мухи, - вот мое мнение. Весь их женский вопрос это - один только недостаток оригинальности. Уверяю же вас, что женский этот весь вопрос выдумали им мужчины, сдуру, сами на свою шею, - слава только богу, что я не женат! Ни малейшего разнообразия-с, узора простого не выдумают; и узоры за них мужчины выдумывают! Вот-с, я ее на руках носил, с ней, десятилетней, мазурку танцевал, сегодня она приехала, натурально лечу обнять, а она мне со второго слова объявляет, что бога нет. Да хоть бы с третьего, а не со второго слова, а то спешит! Ну, положим, умные люди не веруют, так ведь это от ума, а ты-то, говорю, пузырь, ты что в боге понимаешь? Ведь тебя студент научил, а научил бы лампадки зажигать, ты бы и зажигала.

85 - Вы всё лжете, вы очень злой человек, а я давеча доказательно выразила вам вашу несостоятельность, - ответила студентка с пренебрежением и как бы презирая много объясняться с таким человеком. - Я вам именно говорили давеча, что нас всех учили по катехизису: "Если будешь почитать своего отца и своих родителей, то будешь долголетним и тебе дано будет богатство". Это в десяти заповедях. Если бог нашел необходимым за любовь предлагать награду, стало быть, ваш бог безнравствен. Вот в каких словах я вам давеча доказала, и не со второго слова, а потому что вы заявили права свои. Кто ж виноват, что вы 95 тупы и до сих пор не понимаете. Вам обидно и вы злитесь - вот вся разгадка вашего поколения.

- Дурында! - проговорил майор.

- А вы дурак.

- Ругайся!

100 - Но позвольте, Капитон Максимович, ведь вы сами же говорили мне, что в бога не веруете, - пропищал с конца стола Липутин.

- 105 - Что ж, что я говорил, я другое дело! я, может, и верую, но только не совсем. Я хоть и не верую вполне, но все-таки не скажу, что бога расстрелять надо. Я, еще в гусарах служа, насчет бога задумывался. Во всех стихах принято, что гусар пьет и кутит; так-с, я, может, и пил, но, верите ли, вскочишь ночью с постели в одних носках и давай кресты крестить пред образом, чтобы бог веру послал, потому что я и тогда не мог быть спокойным: есть бог или нет? До того оно мне солоно доставалось! Утром, конечно, развлечешься, и опять вера как будто пропадет, да и вообще я заметил, что днем всегда вера несколько пропадает.
- 110 - А не будет ли у вас карт? - зевнул во весь рот Верховенский, обращаясь к хозяйке.
- 110 - Я слишком, слишком сочувствую вашему вопросу! - рванулась студентка, рдея в негодовании от слов майора.
- Теряется золотое время, слушая глупые разговоры, - отрезала хозяйка и взыскательно посмотрела на мужа.
- Студентка подобралась:
- 115 - Я хотела заявить собранию о страдании и о протесте студентов, а так как время тратится в безнравственных разговорах...
- Ничего нет ни нравственного, ни безнравственного! - тотчас же не вытерпел гимназист, как только начала студентка.
- 120 - Это я знала, господин гимназист, гораздо прежде, чем вас тому научили.
- А я утверждаю, - остервенился тот, - что вы - приехавший из Петербурга ребенок с тем, чтобы нас всех просветить, тогда как мы и сами знаем. О заповеди: "Чти отца твоего и мать твою", которую вы не умели прочесть, и что она безнравственна - уже с Белинского всем в России известно.
- Кончится ли это когда-нибудь? - решительно проговорила m-me Виргинская мужу. Как хозяйка, она краснела за ничтожество разговоров, особенно заметив несколько улыбок и даже недоумение между новопозванными гостями.
- 125 - Господа, - возвысил вдруг голос Виргинский, - если бы кто пожелал начать о чем-нибудь более идущем к делу или имеет что заявить, то я предлагаю приступить, не теряя времени.
- 130 - Осмелюсь сделать один вопрос, - мягко проговорил доселе молчавший и особенно чинно сидевший хромым учитель, - я желал бы знать, составляем ли мы здесь, теперь, какое-нибудь заседание, или просто мы собрание обыкновенных смертных, пришедших в гости? Спрашиваю более для порядку и чтобы не находиться в неведении.
- 135 "Хитрый" вопрос произвел впечатление; все переглянулись, каждый как бы ожидая один от другого ответа, и вдруг все как по команде обратили взгляды на Верховенского и Ставрогина.
- Я просто предлагаю вотировать ответ на вопрос: "Заседание мы или нет?" - проговорила m-me Виргинская.
- 140 - Совершенно присоединяюсь к предложению, - отозвался Липутин, - хотя оно и несколько неопределенно.
- И я присоединяюсь, и я, - слышались голоса.
- И мне кажется, действительно будет более порядку, - скрепил Виргинский.
- Итак, на голоса! - объявила хозяйка. - Лямшин, прошу вас, сядьте за фортепьяно: вы и оттуда можете подать ваш голос, когда начнут вотировать.
- 145 - Опять! - крикнул Лямшин, - довольно я вам барабанил.
- Я вас прошу настойчиво, сядьте играть; вы не хотите быть полезным делу?
- Да уверяю же вас, Арина Прохоровна, что никто не подслушивает. Одна ваша фантазия. Да и окна высоки, да и кто тут поймет что-нибудь, если б и подслушивал.
- Мы и сами-то не понимаем, в чем дело, - проворчал чей-то голос.
- 150 - А я вам говорю, что предосторожность всегда необходима. Я на случай, если бы шпионы, - обратилась она с толкованием Верховенскому, - пусть услышат с улицы, что у нас именины и музыка.

- Э, черт! - выругался Лямшин, сел за фортепьяно и начал барабанить вальс, зря и чуть не кулаками стуча по клавишам.
- 155 - Тем, кто желает, чтобы было заседание, я предлагаю поднять правую руку вверх, - предложила m-me Виргинская.
Одни подняли, другие нет. Были и такие, что подняли и опять взяли назад. Взяли назад и опять подняли.
- 160 - Фу, черт! я ничего не понял, - крикнул один офицер.
- И я не понимаю, - крикнул другой.
- Нет, я понимаю, - крикнул третий, - если да, то руку вверх.
- Да что да -то значит?
- Значит, заседание.
- Нет, не заседание.
- 165 - Я вотировал заседание, - крикнул гимназист, обращаясь к m-me Виргинской.
- Так зачем же вы руку не подняли?
- Я все на вас смотрел, вы не подняли, так и я не поднял.
- Как глупо, я потому, что я предлагала, потому и не подняла. Господа, предлагаю вновь
170 обратно: кто хочет заседание, пусть сидит и не подымает руки, а кто не хочет, тот пусть подымет правую руку.
- Кто не хочет? - переспросил гимназист.
- Да вы это нарочно, что ли? - крикнула в гневе m-me Виргинская.
- Нет-с, позвольте, кто хочет или кто не хочет, потому что это надо точнее определить? -
175 раздалась два-три голоса.
- Кто не хочет, не хочет.
- Ну да, но что надо делать, подымать или не подымать, если не хочет? - крикнул офицер.
- Эх, к конституции-то мы еще не привыкли! - заметил майор.
- Господин Лямшин, сделайте одолжение, вы так стучите, никто не может расслышать, -
заметил хромой учитель.
- 180 - Да ей-богу же, Арина Прохоровна, никто не подслушивает, - вскочил Лямшин. - Да не хочу же играть! Я к вам в гости пришел, а не барабанить!
- Господа, - предложил Виргинский, - отвечайте все голосом: заседание мы или нет?
- Заседание, заседание! - раздалось со всех сторон.
- А если так, то нечего и вотировать, довольно. Довольны ли вы, господа, надо ли еще
185 вотировать?
- Не надо, не надо, поняли!
- Может быть, кто не хочет заседания?
- Нет, нет, все хотим.
- Да что такое заседание? - крикнул голос. Ему не ответили.
- 190 - Надо выбрать президента, - крикнули с разных сторон.
- Хозяина, разумеется хозяина!
- Господа, коли так, - начал выбранный Виргинский, - то я предлагаю давешнее
первоначальное мое предложение: если бы кто пожелал начать о чем-нибудь более идущем к
делу или имеет что заявить, то пусть приступит, не теряя времени.
- 195 Общее молчание. Взгляды всех вновь обратились на Ставрогина и Верховенского.
- Верховенский, вы не имеете ничего заявить? - прямо спросила хозяйка.
- Ровно ничего, - потянулся он, зевая, на стуле. - Я, впрочем, желал бы рюмку коньяку.
- Ставрогин, вы не желаете?
- Благодарю, я не пью.
- 200 - Я говорю, желаете вы говорить или нет, а не про коньяк.
- Говорить, об чем? Нет, не желаю.
- Вам принесут коньяку, - ответила она Верховенскому.
Поднялась студентка. Она уже несколько раз подвскакивала.

- 205 - Я приехала заявить о страданиях несчастных студентов и о возбуждении их повсеместно к протесту...
- Но она осеклась; на другом конце стола явился уже другой конкурент, и все взоры обратились к нему. Длинноухий Шигалев с мрачным и угрюмым видом медленно поднялся с своего места и меланхолично положил толстую и чрезвычайно мелко исписанную тетрадь на стол. Он не сел и молчал. Многие с замешательством смотрели на тетрадь, но
- 210 Липутин, Виргинский и хромой учитель были, казалось, чем-то довольны.
- Прошу слова, - угрюмо, но твердо заявил Шигалев.
 - Имеете, - разрешил Виргинский.
- Оратор сел, помолчал с полминуты и произнес важным голосом:
- Господа...
- 215 - Вот коньяк! - брезгливо и презрительно отрубил родственница, разливавшая чай, ухившаяся за коньяком, и ставя его теперь перед Верховенским вместе с рюмкой, которую принесла в пальцах, без подноса и без тарелки.
- Прерванный оратор с достоинством приостановился.
- Ничего, продолжайте, я не слушаю, - крикнул Верховенский, наливая себе рюмку.
- 220 - Господа, обращаясь к вашему вниманию, - начал вновь Шигалев, - и, как увидите ниже, испрашивая вашей помощи в пункте первостепенной важности, я должен произнести предисловие.
- Арина Прохоровна, нет у вас ножниц? - спросил вдруг Петр Степанович.
 - Зачем вам ножниц? - выпучила та на него глаза.
- 225 - Забыл ногти обстричь, три дня собираюсь, - промолвил он, безмятежно рассматривая свои длинные и нечистые ногти.
- Арина Прохоровна вспыхнула, но девице Виргинской как бы что-то понравилось.
- Кажется, я их здесь, на окне давеча видела, - встала она из-за стола, пошла, отыскала ножницы и тотчас же принесла с собой. Петр Степанович даже не посмотрел на нее, взял
- 230 ножницы и начал возиться с ними. Арина Прохоровна поняла, что это реальный прием, и устыдилась своей обидчивости. Собрание переглядывалось молча. Хромой учитель злобно и завистливо наблюдал Верховенского. Шигалев стал продолжать:
- Посвятив мою энергию на изучение вопроса о социальном устройстве будущего общества, которым заменится настоящее, я пришел к убеждению, что все создатели
- 235 социальных систем, с древнейших времен до нашего 187... года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противоречившие себе, ничего ровно не понимавшие в естественной науке и в том странном животном, которое называется человеком. Платон, Руссо, Фурье, колонны из алюминия, все это годится разве для воробьев, а не для общества человеческого.
- 240 Но так как будущая общественная форма необходима именно теперь, когда все мы, наконец, собираемся действовать, чтоб уже более не задумываться, то я и предлагаю собственную мою систему устройства мира. Вот она! - стукнул он по тетради. - Я хотел изложить собранию мою книгу по возможности в сокращенном виде; но вижу, что потребуются еще прибавить множество изустных разъяснений, а потому все изложение потребует по крайней мере десяти вечеров, по числу глав моей книги. (Послышался смех.) Кроме того, объявляю
- 245 Заранее, что система моя не окончена. (Смех опять.) Я запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей, из которой я выхожу. Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю, однакож, что кроме моего разрешения общественной формулы не может быть никакого.
- 250 Смех разрастался сильнее и сильнее, но смеялись более молодые и, так сказать, мало посвященные гости. На лицах хозяйки, Липутина и хромого учителя выразилась некоторая досада.
- Если вы сами не сумели слепить свою систему и пришли к отчаянию, то нам-то тут чего делать? - осторожно заметил один офицер.
 - Вы правы, господин служащий офицер, - резко оборотился к нему Шигалев, - и всего

- 255 более тем, что употребили слово "отчаяние". Да, я приходил к отчаянию; тем не менее все, что изложено в моей книге - незаменимо, и другого выхода нет; никто ничего не выдумает. И потому спешу, не теряя времени, пригласить все общество, по выслушании моей книги в продолжение десяти вечеров, заявить свое мнение. Если же члены не захотят меня слушать, то разойдемся в самом начале, - мужчины чтобы заняться государственною службой,
- 260 женщины в свои кухни, потому что, отвергнув книгу мою, другого выхода они не найдут. Ни-ка-кого! Упустив же время, повредят себе, так как потом неминуемо к тому же воротятся. Началось движение: "Что он, помешанный, что ли?" - раздались голоса.
- Значит, все дело в отчаянии Шигалева, - заключил Лямшин, - а насущный вопрос в том: быть или не быть ему в отчаянии?
- 265 - Близость Шигалева к отчаянию есть вопрос личный, - заявил гимназист.
- Я предлагаю вотировать, насколько отчаяние Шигалева касается общего дела, а с тем вместе, стоит ли слушать его, или нет? - весело решил офицер.
- Тут не то-с, - ввязался, наконец, хромой. Вообще он говорил с некоторой как бы насмешливою улыбкой, так что, пожалуй, трудно было и разобрать, искренно он говорит или шутит. - Тут, господа, не то-с. Господин Шигалев слишком серьезно предан своей задаче и притом слишком скромн. Мне книга его известна. Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса - разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении
- 270 достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать. Меры, предлагаемые автором для отнятия у девяти десятых человечества воли и переделки его в стадо, посредством перевоспитания целых поколений - весьма замечательны, основаны на естественных данных и очень логичны. Можно не согласиться с иными выводами, но в уме и в знаниях автора усумниться трудно. Жаль, что
- 275 условие десяти вечеров совершенно несовместимо с обстоятельствами, а то бы мы могли услышать много любопытного.
- Неужели вы серьезно? - обратилась к хромому m-me Виргинская, в некоторой даже тревоге. - Если этот человек, не зная куда деваться с людьми, обращает их девять десятых в рабство? Я давно подозревала его.
- 280 - То есть вы про вашего братца? - спросил хромой.
- Родство? Вы смеетесь надо мною или нет?
- И, кроме того, работать на аристократов и повиноваться им, как богам - это подлость! - яростно заметила студентка.
- Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай, и другого на земле быть не может, - властно заключил Шигалев.
- 290 - А я бы вместо рая, - вскричал Лямшин, - взял бы этих девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и взорвал их на воздух, а оставил бы только кучку людей образованных, которые и начали бы жить-поживать по-ученому.
- Так может говорить только шут! - вспыхнула студентка.
- 295 - Он шут, но полезен, - шепнула ей m-me Виргинская.
- И, может быть, это было бы самым лучшим разрешением задачи! - горячо оборотился Шигалев к Лямшину, - вы, конечно, и не знаете, какую глубокую вещь удалось вам сказать, господин веселый человек. Но так как ваша идея почти невыполнима, то и надо ограничиться земным раем, если уж так это назвали.
- 300 - Однако порядочный вздор! - как бы вырвалось у Верховенского. Впрочем он, совершенно равнодушно и не подымая глаз, продолжал обстригать свои ногти.
- Почему же вздор-с? - тотчас же подхватил хромой, как будто так и ждал от него первого слова, чтобы вцепиться. - Почему же именно вздор? Господин Шигалев отчасти фанатик человеколюбия; но вспомните, что у Фурье, у Кабета особенно и даже у самого Прудона есть множество самых деспотических и самых фантастических предрешений вопроса. Господин
- 305

- Шигалев даже, может быть, гораздо трезвее их разрешает дело. Уверяю вас, что, прочитав книгу его, почти невозможно не согласиться с иными вещами. Он, может быть, менее всех удалился от реализма, и его земной рай есть почти настоящий, тот самый, о потере которого вздыхает человечество, если только он когда-нибудь существовал.
- 310 - Ну, я так и знал, что нарвусь, - пробормотал опять Верховенский.
- Позвольте-с, - вскипал все более и более хромой, - разговоры и суждения о будущем социальном устройстве - почти настоятельная необходимость всех мыслящих современных людей. Герцен всю жизнь только о том и заботился. Белинский, как мне достоверно известно, проводил целые вечера с своими друзьями, дебатировав и предвещая заранее даже
- 315 самые мелкие, так сказать кухонные подробности в будущем социальном устройстве.
- Даже с ума сходят иные, - вдруг заметил майор.
- Все-таки хоть до чего-нибудь договориться можно, чем сидеть и молчать в виде диктаторов, - прошипел Липутин, как бы осмеливаясь, наконец, начать нападение.
- Я не про Шигалева сказал, что вздор, - промямлил Верховенский. - Видите, господа, -
- 320 приподнял он капельку глаза, - по-моему, все эти книги, Фурье, Кабеты, все эти "права на работу", шигалевщина - все это вроде романов, которых можно написать сто тысяч. Эстетическое препровождение времени. Я понимаю, что вам здесь в городишке скучно, вы и бросаетесь на писаную бумагу.
- Позвольте-с, - задержался на стуле хромой, - мы хоть и провинциалы и, уж конечно;
- 325 достойны тем сожаления, но, однакоже, знаем, что на свете покамест ничего такого нового не случилось, о чем бы нам плакать, что проглядели. Нам вот предлагают, чрез разные подкидные листки иностранной фактуры, сомкнуться и завести кучки с единственной целью всеобщего разрушений, под тем предлогом, что как мир ни лечи, все не вылечишь, а срезав радикально сто миллионов голов и тем облегчив себя, можно вернее перескочить через
- 330 канавку. Мысль прекрасная, без сомнения, но по крайней мере столь же несовместимая с действительностью, как и "шигалевщина", о которой вы сейчас отнеслись так презрительно.
- Ну, да я не для рассуждений приехал, - промахнулся значительным словом Верховенский и, как бы вовсе не замечая своего промаха, - подвинул к себе свечу, чтобы было светлее.
- 335 - Жаль-с, очень жаль, что не для рассуждений приехали, и очень жаль, что вы так теперь заняты своим туалетом.
- А чего вам мой туалет?
- Сто миллионов голов так же трудно осуществить, как и переделать мир пропагандой. Даже, может быть, и труднее, особенно если в России, - рискнул опять Липутин.
- 340 - На Россию-то теперь и надеются, - проговорил офицер.
- Слышали мы и о том, что надеются, - подхватил хромой. - Нам известно, что на наше прекрасное отечество обращен таинственный index143, как на страну, наиболее способную к исполнению великой задачи. Только вот что-с: в случае постепенного разрешения задачи пропагандой я хоть что-нибудь лично выигрываю, ну хоть приятно поболтаю, а от начальства так и чин получу за услуги социальному делу. А во-втором, в быстром-то разрешении, посредством ста миллионов голов, мне-то, собственно, какая будет награда? Начнешь пропагандировать, так еще, пожалуй, язык отрежут.
- 345 - Вам непременно отрежут, - сказал Верховенский.
- Видите-с. А так как при самых благоприятных обстоятельствах раньше пятидесяти лет,
- 350 ну тридцати, такую резню не докончишь, потому что ведь не бараны же те-то, пожалуй и не дадут себя резать, - то не лучше ли, собравши свой скарб, переселиться куда-нибудь за тихие моря на тихие острова и закрыть там свои глаза безмятежно? Поверьте-с, - постучал он значительно пальцем, по столу, - вы только эмиграцию такую пропагандой вызовете, а более ничего-с!
- 355 Он закончил, видимо торжествуя. Это была сильная губернская голова. Липутин коварно улыбался, Виргинский слушал несколько уныло, остальные все с чрезвычайным вниманием

свели за спором, особенно дамы и офицеры. Все понимали, что агента ста миллионов голов приперли к стене, и ждали, что из этого выйде.

360 - Это вы, впрочем, хорошо сказали, - еще равнодушнее, чем прежде, даже как бы со скукой промямлил Верховенский. - Эмигрировать - мысль хорошая. Но все-таки, если, несмотря на все явные невыгоды, которые вы предчувствуете, солдат на общее дело является все больше и больше с каждым днем, то и без вас обойде. Тут, батюшка, новая религия идет взамен старой, оттого так много солдат и является, и дело это крупное. А вы эмигрируйте! И знаете, я вам советую в Дрезден, а не на тихие острова. Во-первых, это 365 город, никогда не выдавший никакой эпидемии, а так как вы человек развитый, то, наверно, смерти боитесь; во-вторых, близко от русской границы, так что можно скорее получать из любезного отечества доходы; в-третьих, включает в себе так называемые сокровища искусств, а вы человек эстетический, бывший учитель словесности, кажется; ну и, наконец, 370 включает в себе свою собственную карманную Швейцарию - это уж для поэтических вдохновений, потому, наверно, стишки пописываете. Одним словом, клад в табатерке!

Произошло движение; особенно офицеры зашевелились. Еще мгновение, и все бы разом заговорили. Но хромой раздражительно накинулся на приманку:

- Нет-с, мы еще, может быть, и не уедем от общего дела! Это надо понимать-с...

375 - Как так, вы разве пошли бы в пятерку, если б я вам предложил? - брякнул вдруг Верховенский и положил ножницы на стол.

Все как бы вздрогнули. Загадочный человек слишком вдруг раскрылся. Даже прямо про "пятерку" заговорил.

- Всякий чувствует себя честным человеком и не уклонится от общего дела, - закривился хромой, - но...

380 - Нет-с, тут уж дело не в но, - властно и резко перебил Верховенский. - Я объявляю, господа, что мне нужен прямой ответ. Я слишком понимаю, что я, прибыв сюда и собрав вас сам вместе, обязан вам объяснениями (опять неожиданное раскрытие), но я не могу дать никаких, прежде чем не узнаю, какого образа мыслей вы держитесь. Миную разговоры - 385 потому что не тридцать же лет опять болтать, как болтали до сих пор тридцать лет, - я вас спрашиваю, что вам милее: медленный ли путь, состоящий в сочинении социальных романов и в канцелярском предрешении судеб человеческих на тысячи лет вперед на бумаге, тогда как деспотизм тем временем будет глотать жареные куски, которые вам сами в рот летят и которые вы мимо рта пропускаете, или вы держитесь решения скорого, в чем бы оно ни 390 состояло, но которое, наконец, развяжет руки и даст человечеству на просторе самому социально устроиться, и уже на деле, а не на бумаге? Кричат: "Сто миллионов голов", - это, может быть, еще и метафора, но чего их бояться, если при медленных бумажных мечтаниях деспотизм в какие-нибудь во сто лет съест не сто, а пятьсот миллионов голов? Заметьте еще, что неизлечимый больной все равно не вылечится, какие бы ни прописывали ему на бумаге 395 рецепты, а, напротив, если промедлить, до того загниет, что и нас заразит, перепортит все свежие силы, на которые теперь еще можно рассчитывать, так что мы все, наконец, провалимся. Я согласен совершенно, что либерально и красноречиво болтать чрезвычайно приятно, а действовать немного кусается... Ну, да впрочем, я говорить не умею; я прибыл сюда с сообщениями, а потому прошу всю почтенную компанию не то что вотировать, а прямо и просто заявить, что вам веселее: черепаший ли ход в болоте, или на всех парах через 400 болото?

- Я положительно за ход на парах! - крикнул в восторге гимназист.

- Я тоже, - отозвался Лямшин.

405 - В выборе, разумеется, нет сомнения, - пробормотал один офицер, за ним другой, за ним еще кто-то. Главное, всех поразило, что Верховенский с "сообщениями" и сам обещал сейчас говорить.

- Господа, я вижу, что почти все решают в духе прокламаций, - проговорил он, озирая общество.

- Все, все, - раздалось большинство голосов.
- 410 - Я? признаюсь, более принадлежу к решению гуманному, - проговорил майор, - но так как уж все, то и я со всеми.
- Выходит, стало быть, что и вы не противоречите? - обратился Верховенский к хроному.
- Я не то чтобы... - покраснел было несколько тот, - но я если и согласен теперь со всеми, то единственно, чтобы не нарушить...
- 415 - Вот вы все таковы! Полгода спорить готов для либерального красноречия, а кончит ведь тем, что вотирует со всеми! Господа, рассудите однако, правда ли, что вы все готовы? (К чему готовы? - вопрос неопределенный, но ужасно заманчивый.)
- Конечно, все... - раздались заявления. Все, впрочем, поглядывали друг на друга.
- А, может, потом и обидитесь, что скоро согласились? Ведь это почти всегда так у вас бывает.
- 420 Заволновались в различном смысле, очень заволновались. Хромой налетел на Верховенского.
- Позвольте вам, однако, заметить, что ответы на подобные вопросы обуславливаются. Если мы и дали решение, то заметьте, что все-таки вопрос, заданный таким странным образом...
- 425 - Каким странным образом?
- Таким, что подобные вопросы не так задаются.
- Научите, пожалуйста. А знаете, я так ведь и уверен был, что вы первый обидитесь.
- Вы из нас вытянули ответ на готовность к немедленному действию, а какие, однакоже, права вы имели так поступать? Какие полномочия, чтобы задавать такие вопросы?
- 430 - Так вы об этом раньше бы догадались спросить! Зачем же вы отвечали? Согласились, да и спохватились.
- А по-моему, легкомысленная откровенность вашего главного вопроса дает мне мысль, что вы вовсе не имеете ни полномочий, ни прав, а лишь от себя любопытствовали.
- Да вы про что, про что? - вскричал Верховенский, как бы начиная очень тревожиться.
- 435 - А про то, что аффилиации¹⁴⁴, какие бы ни были, делаются по крайней мере глаз на глаз, а не в незнакомом обществе двадцати человек! - брякнул хромым. Он высказался весь, но уже слишком был раздражен. Верховенский быстро оборотился к обществу с отлично подделанным встревоженным видом.
- Господа, считаю долгом всем объявить, что все это глупости и разговор наш далеко
- 440 зашел. Я еще ровно никого не аффилировал, и никто про меня не имеет права сказать, что я аффилирую, а мы просто говорили о мнениях. Так ли? Но так или этак, а вы меня очень тревожите, - повернулся он опять к хроному, - я никак не думал, что здесь о таких почти невинных вещах надо говорить глаз на глаз. Или вы боитесь доноса? Неужели между нами может заключаться теперь доносчик?
- 445 Волнение началось чрезвычайное; все заговорили.
- Господа, если бы так, - продолжал Верховенский, - то ведь всех более компрометировал себя я, а потому предложу ответить на один вопрос, разумеется если захотите. Вся ваша полная воля.
- Какой вопрос? какой вопрос? - загалдели все.
- 450 - А такой вопрос, что после него станет ясно: оставаться нам вместе или молча разобрать наши шапки и разойтись в свои стороны.
- Вопрос, вопрос?
- Если бы каждый из нас знал, о замышленном политическом убийстве, то пошел ли бы он донести, предвидя все последствия, или остался бы дома, ожидая событий? Тут взгляды
- 455 могут быть разные. Ответ на вопрос скажет ясно - разойтись нам или оставаться вместе, и уже далеко не на один этот вечер. Позвольте обратиться к вам первому, - обернулся он к хроному.
- Почему же ко мне первому?

- 460 - Потому что вы всё и начали. Сделайте одолжение, не уклоняйтесь, ловкость тут не поможет. Но, впрочем, как хотите; ваша полная воля.
- Извините, но подобный вопрос даже обиден.
 - Нет, уж нельзя ли поточнее.
 - Агентом тайной полиций никогда не бывал-с, - скривился тот, еще более.
 - Сделайте одолжение, точнее, не задерживайте.
- 465 Хромой до того озлился, что даже перестал отвечать. Молча, злобным взглядом из-под очков в упор смотрел он на истязателя.
- Да или нет? Донесли бы или не донесли? - крикнул Верховенский.
 - Разумеется, не донесу! - крикнул вдвое сильнее хромой.
 - И никто не донесет, разумеется не донесет, - слышались многие голоса.
- 470 - Позвольте обратиться к вам, господин майор, донесли бы вы или не донесли? - продолжал Верховенский. - И заметьте, я нарочно к вам обращаюсь.
- Не донесу-с.
 - Ну, а если бы вы знали, что кто-нибудь хочет убить и ограбить другого, обыкновенного смертного, ведь вы бы донесли, предупредили?
- 475 - Конечно-с, но ведь это гражданский случай, а тут донос политический. Агентом тайной полиции не бывал-с.
- Да и никто здесь не бывал, - слышались опять голоса. - Напрасный вопрос. У всех один ответ. Здесь не доносчики!
 - Отчего встает этот господин? - крикнула студентка.
- 480 - Это Шатов. Отчего вы встали, Шатов? - крикнула хозяйка.
- Шатов встал действительно; он держал свою, шапку в руке и смотрел на Верховенского. Казалось, он хотел ему что-то сказать, но колебался. Лицо его было бледно и злобно, но он выдержал, не проговорил ни слова и молча пошел вон из комнаты.
- Шатов, ведь это для вас же невыгодно! - загадочно крикнул ему вслед Верховенский.
- 485 - Зато тебе выгодно, как шпиону и подлецу! - прокричал ему в дверях Шатов и вышел совсем. Опять крики и восклицания.
- Вот она, проба-то! - крикнул голос.
 - Пригодилась! - крикнул другой.
 - Не поздно ли пригодилась-то? - заметил третий, - Кто его приглашал? - Кто принял?
- 490 - Кто таков? - Кто такой Шатов? - Донесет или не донесет? - сыпались вопросы.
- Если бы доносчик, он бы прикинулся, а то он наплевал да и вышел, - заметил кто-то.
 - Вот и Ставрогин встает, Ставрогин тоже не отвечал на вопрос, - крикнула студентка.
- Ставрогин действительно встал, а с ним вместе с другого конца стола поднялся и Кириллов.
- 495 - Позвольте, господин Ставрогин, - резко обратилась к нему хозяйка, - мы все здесь ответили на вопрос, между тем как вы молча уходите?
- Я не вижу надобности отвечать на вопрос, который вас интересует, - пробормотал Ставрогин.
 - Но мы себя компрометировали, а вы нет, - закричало несколько голосов.
- 500 - А мне какое дело, что вы себя компрометировали? - засмеялся Ставрогин, но глаза его сверкали.
- Как какое дело? Как какое дело? - раздались восклицания. Многие вскочили со стульев.
 - Позвольте, господа, позвольте, - кричал хромой, - ведь и господин Верховенский не отвечал на вопрос, а только его задавал.
- 505 Замечание произвело эффект поразительный. Все переглянулись. Ставрогин громко засмеялся в глаза хромому и вышел, а за ним Кириллов. Верховенский выбежал вслед за ними в переднюю.
- Что вы со мной делаете? - пролепетал он, схватив Ставрогина за руку и изо всей силы стиснув ее в своей. Тот молча вырвал руку.

510 - Будьте сейчас у Кириллова, я приду... Мне необходимо, необходимо!
- Мне нет необходимости, - отрезал Ставрогин.
- Ставрогин будет, - покончил Кириллов. - Ставрогин, вам есть необходимость. Я вам там покажу. Они вышли.

515

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ИВАН-ЦАРЕВИЧ

520 Они вышли. Петр Степанович бросился было в "заседание", чтоб унять хаос, но, вероятно рассудив, что не стоит возиться, оставил все и через две минуты уже летел по дороге вслед за ушедшими. На бегу ему припомнился переулочек, которым можно было еще ближе пройти к дому Филиппова; увязая по колена в грязи, он пустился по переулочку и в самом деле прибежал в ту самую минуту, когда Ставрогин и Кириллов проходили и ворота.

- Вы уже здесь? - заметил Кириллов, - это хорошо. Входите.

525 - Как же вы говорили, что живете один? - спросил Ставрогин, проходя в сенях мимо наставленного и уже закипавшего самовара.

- Сейчас увидите, с кем я живу, - пробормотал Кириллов, - входите.

530 Едва вошли, Верховенский тотчас же вынул из кармана давешнее анонимное письмо, взятое у Лембке, и положил пред Ставрогиным. Все трое сели. Ставрогин молча прочел письмо.

- Ну? - спросил он.

535 - Этот негодяй сделает как по-писаному, - пояснил Верховенский. - Так как он в вашем распоряжении, то научите, как поступить. Уверю вас, что он, может быть, завтра же пойдет к Лембке.

- Ну и пусть идет.

- Как пусть? Особенно если можно обойтись.

540 - Вы ошибаетесь, он от меня не зависит. Да и мне все равно; мне он ничем не угрожает, а угрожает лишь вам.

- И вам.

540 - Не думаю.

- Но вас могут другие не пощадить, неужто не понимаете? Слушайте, Ставрогин, это только игра на словах. Неужто вам денег жалко?

- А надо разве денег?

545 - Непременно, тысячи две или минимум полторы. Дайте мне завтра или даже сегодня, и завтра к вечеру я спроважу его вам в Петербург, того-то ему и хочется. Если хотите, с Марьей Тимофеевной - это заметьте.

Было в нем что-то совершенно сбившееся, говорил он как-то неосторожно, вырывались слова необдуманные. Ставрогин присматривался к нему с удивлением.

- Мне незачем отсылать Марью Тимофеевну.

550 - Может быть, даже я не хотите? - иронически улыбнулся Петр Степанович.

- Может быть, и не хочу.

- Одним словом, будут или не будут деньги? - в злобном нетерпении и как бы властно крикнул он на Ставрогина. Тот оглядел его серьезно.

- Денег не будет.

555 - Эй, Ставрогин! Вы что-нибудь знаете или что-нибудь уже сделали? Вы - кутите!

Лицо его искривилось, концы губ вздрогнули, и он вдруг рассмеялся каким-то совсем беспредметным, ни к чему не идущим смехом.

- Ведь вы от отца вашего получили же деньги за имение, - спокойно заметил Николай Всеволодович. - Матан выдала вам тысяч шесть или восемь за Степана Трофимовича. Вот и заплатите полторы тысячи из своих. Я не хочу, наконец, платить за чужих, я и так много

560

роздал, мне это обидно... - усмехнулся он сам на свои слова.

- А, вы шутить начинаете...

565 Ставрогин встал со стула, мигом вскочил и Верховенский и машинально стал спиной к дверям, как бы загораживая выход. Николай Всеволодович уже сделал жест, чтоб оттолкнуть его от двери и выйти, но вдруг остановился.

- Я вам Шатова не уступлю, - сказал он. Петр Степанович вздрогнул; оба глядели друг на друга.

570 - Я вам давеча сказал, для чего вам Шатова кровь нужна, - засверкал глазами Ставрогин. - Вы этую мазью ваши кучки слепить хотите. Сейчас вы отлично выгнали Шатова: вы слишком знали, что он не сказал бы: "Не донесу", а солгать пред вами почел бы низостью. Но я-то, я-то для чего вам теперь понадобился? Вы ко мне пристаёте почти что с заграницы. То, чем вы это объясняли мне до сих пор, один только бред. Меж тем вы клоните, чтоб я, отдав полторы тысячи Лебядкину, дал тем случай Федыке его зарезать. Я знаю, у вас мысль, что мне хочется зарезать заодно и жену. Связав меня преступлением, вы, конечно, думаете
575 получить надо мною власть, ведь так? Для чего вам власть? На кой черт я вам понадобился? Раз навсегда рассмотрите ближе: ваш ли я человек, и оставьте меня в покое.

- К вам Федыка сам приходил? - одышливо проговорил Верховенский.

- Да, он приходил; его цена тоже полторы тысячи... Да вот он сам подтвердит, вон стоит...
- протянул руку Ставрогин.

580 Петр Степанович быстро обернулся. На пороге, из темноты, выступила новая фигура - Федыка, в полушубке, но без шапки, как дома. Он стоял и посмеивался, скаля свои ровные белые зубы. Черные с желтым отливом глаза его осторожно шмыгали по комнате, наблюдая господ. Он чего-то не понимал; его, очевидно, сейчас привел Кириллов, и к нему-то обращался его вопросительный взгляд; стоял он на пороге, но переходить в комнату не
585 хотел.

- Он здесь у вас припасен, вероятно, чтобы слышать наш торг или видеть даже деньги в руках, ведь так? - спросил Ставрогин и, не дожидаясь ответа, пошел вон из дому. Верховенский нагнал его у ворот почти в сумасшествии.

590 - Стой! Ни шагу! - крикнул он, хватая его за локоть. Ставрогин рванул руку, но не вырвал. Бешенство овладело им: схватив Верховенского за волосы левою рукой, он бросил его изо всей силы об землю и вышел в ворота. Но он не прошел еще тридцати шагов, как тот опять нагнал его.

- Помиримтесь, помиримтесь, - прошептал он ему судорожным шепотом.

Николай Всеволодович вскинул плечами, но не остановился и не оборотился.

595 - Слушайте, я вам завтра же приведу Лизавету Николаевну, хотите? Нет? Что же вы не отвечаете? Скажите, чего вы хотите, я сделаю. Слушайте: я вам отдам Шатова, хотите?

- Стало быть, правда, что вы его убить положили? - вскричал Николай Всеволодович.

600 - Ну зачем вам Шатов? Зачем? - задыхающейся скороговоркой продолжал исступленный, поминутно забегая вперед и хватаясь за локоть Ставрогина, вероятно и не замечая того. - Слушайте: я вам отдам его, помиримтесь. Ваш счет велик, но... помиримтесь!

Ставрогин взглянул на него, наконец, и был поражен. Это был не тот взгляд, не тот голос, как всегда или как сейчас там в комнате; он видел почти другое лицо. Интонация голоса была не та: Верховенский молил, упрашивал. Это был еще не опомнившийся человек, у которого отнимают или уже отняли самую драгоценную вещь.

605 - Да что с вами? - вскричал Ставрогин, Тот не ответил, но бежал за ним и глядел на него прежним умоляющим, но в то же время и непреклонным взглядом.

- Помиримтесь! - прошептал он еще раз. - Слушайте, у меня в сапоге, как у Федыки, нож припасен, но я с вами помирюсь.

- Да на что я вам, наконец, черт! - вскричал в решительном гневе и изумлении Ставрогин.

610 - Тайна, что ль, тут какая? Что я вам за талисман достался?

- Слушайте, мы сделаем смуту, - бормотал тот быстро и почти как в бреду. - Вы не верите,

- что мы сделаем смуту? Мы сделаем такую смуту, что все поедет с основ. Кармазинов прав, что не за что ухватиться. Кармазинов очень умен. Всего только десять таких же кучек по России, и я неуловим.
- 615 - Это таких же все дураков, - нехотя вырвалось у Ставрогина.
 - О, будьте поглупее, Ставрогин, будьте поглупее сами! Знаете, вы вовсе ведь не так и умны, чтобы вам этого желать: вы боитесь, вы не верите, вас пугают размеры. И почему они дураки? Они не такие дураки; нынче у всякого ум не свой. Нынче ужасно мало особых умов. Виргинский - это человек чистейший, чище таких, как мы, в десять раз; ну и пусть его, впрочем. Липутин мошенник, но я у него одну точку знаю. Нет мошенника, у которого бы не было своей точки. Один Лямшин безо всякой точки, зато у меня в руках. Еще несколько таких кучек, и у меня повсеместно паспорта и деньги, хотя бы это? Хотя бы это одно? И сохранные места, и пусть ищут. Одну кучку вырвут, а на другой сядут. Мы пустим смуту... Неужто вы не верите, что нас двоих совершенно достаточно?
- 625 - Возьмите Шигалева, а меня бросьте в покое...
 - Шигалев гениальный человек! Знаете ли, что это гений вроде Фурье; но смелее Фурье, но сильнее Фурье; я им займусь. Он выдумал "равенство!"
 "С ним лихорадка, и он бредит; с ним что-то случилось очень особенное", - посмотрел на него еще раз Ставрогин. Оба шли, не останавливаясь.
- 630 - У него хорошо в тетради, - продолжал Верховенский, - у него шпионство. У него каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное - равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями - вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина! Ха-ха-ха, вам странно? Я за шигалевщину!
- 640 Ставрогин старался ускорить шаг и добраться поскорее домой. "Если этот человек пьян, то где же он успел напиться, - приходило ему на ум. - Неужели коньяк?"
 - Слушайте, Ставрогин: горы сравнять - хорошая мысль, не смешная. Я за Шигалева! Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслышанный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Всё к одному знаменателю, полное равенство. "Мы научились ремеслу, и мы честные люди, нам не надо ничего другого" - вот недавний ответ английских рабочих. Необходимо лишь необходимое - вот девиз земного шара отселе. Но нужна и судорога; об этом позаботимся мы, правители. У рабов должны быть правители. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно, чтобы не было скучно. Скука есть ощущение аристократическое; в шигалевщине не будет желаний. Желание и страдание для нас, а для рабов шигалевщина.
- 655 - Себя вы исключаете? - сорвалось опять у Ставрогина.
 - И вас. Знаете ли, я думал отдать мир папе. Пусть он выйдет пеш и бос и покажется черни: "Вот, дескать, до чего меня довели!" и все повалит за ним, даже войско. Папа вверху, мы кругом, а под нами шигалевщина. Надо только, чтобы с папой Internationale согласилась; так и будет. А старикашка согласится мигом. Да другого ему и выхода нет, вот помяните мое слово, ха-ха-ха, глупо? Говорите, глупо или нет?
- 660 - Довольно, - пробормотал Ставрогин с досадой.

665 - Довольно! Слушайте, я бросил папу! К черту шигалевщину! К черту папу! Нужно злобу дня, а не шигалевщину, потому что шигалевщина ювелирская вещь. Это идеал, это в будущем. Шигалев ювелир и глуп, как всякий филантроп. Нужна черная работа, а Шигалев презирает черную работу. Слушайте: папа будет на Западе, а у нас, у нас будете вы!

- Отстаньте от меня, пьяный человек! - пробормотал Ставрогин и ускорил шаг.

670 - Ставрогин, вы красавец! - вскричал Петр Степанович почти в упоении, - знаете ли, что вы красавец! В вас всего дороже то, что вы иногда про это не знаете. О, я вас изучил! Я на вас часто сбоку, из угла гляжу! В вас даже есть простодушие и наивность, знаете ли вы это? Еще есть, есть! Вы, должно быть, страдаете, и страдаете искренно, от того простодушия. Я люблю красоту. Я нигилист, но люблю красоту. Разве нигилисты красоту не любят? Они только идолов не любят, ну, а я люблю идола! Вы мой идол! Вы никого не оскорбляете, и вас все ненавидят; вы смотрите всем ровней, и вас все боятся, это хорошо. К вам никто не
675 подойдет вас потрепать по плечу. Вы ужасный аристократ. Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен! Вам ничего не значит пожертвовать жизнью, и своею и чужою. Вы именно таков, какого надо. Мне, мне именно такого надо, как вы. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...

680 Он вдруг поцеловал у него руку. Холод прошел по спине Ставрогина, и он в испуге вырвал свою руку. Они остановились.

- Помешанный! - прошептал Ставрогин.

685 - Может, и брежу, может, и брежу! - подхватил тот скороговоркой, - но я выдумал первый шаг. Никогда Шигалеву не выдумать первый шаг. Много Шигалевых! Но один, один только человек в России изобрел первый шаг и знает, как его сделать. Этот человек я. Что вы глядите на меня? Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в стклянке, Колумб без Америки.

Ставрогин стоял и пристально глядел в его безумные глаза.

690 - Слушайте, мы сначала пустим смуту, - торопился ужасно Верховенский, поминутно схватывая Ставрогина за левый рукав. - Я уже вам говорил: мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши, не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают. Я без дисциплины ничего не понимаю. Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег
695 добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников, сплошь наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают! С другой стороны, послушание школьников и дурачков достигло высшей черты; у наставников раздавлен
700 пузырь с желчью; везде тщеславие размеров непомерных, аппетит зверский, неслыханный... Знаете ли, знаете ли, сколько мы одними готовыми идейками возьмем? Я поехал - свирепствовал тезис Littré, что преступление есть помешательство; приезжаю - и уже преступление не помешательство, а именно здравый-то смысл и есть, почти долг, по крайней мере благородный протест. "Ну как развитому убийце не убить, если ему денег надо!" Но это
705 лишь ягодки. Русский бог уже спасовал пред "дешовкой". Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты, а на судах: "двести розог, или тащи ведро". О, дайте возрасти поколению! Жаль только, что некогда ждать, а то пусть бы они еще попьянее стали! Ах, как жаль, что нет пролетариев! Но будут, будут, к этому идет...

- Жаль тоже, что мы поглупели, - пробормотал Ставрогин и двинулся прежнею дорогой.

710 - Слушайте, я сам видел ребенка шести лет, который вел домой пьяную мать, а та его ругала скверными словами. Вы думаете, я этому рад? Когда в наши руки попадет, мы, пожалуй, и вылечим... если потребуется, мы на сорок лет в пустыню выгоним... Но одно или два поколения разврата теперь необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда

715 человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь, - вот чего надо! А тут еще "свеженькой кровушки", чтоб попривык. Чего вы смеетесь? Я себе не противоречу. Я только филантропам и шигалевщине противоречу, а не себе. Я мошенник, а не социалист. Ха-ха-ха! Жаль только, что времени мало. Я Кармазинову обещал в мае начать, а к Покрову кончить. Скоро? Ха, ха! Знаете ли, что я вам скажу, Ставрогин: в русском народе до сих пор не было цинизма, хоть он и ругался скверными словами. Знаете ли, что этот раб крепостной
720 больше себя уважал, чем Кармазинов себя? Его драли, а он своих богов отстоял, а Кармазинов не отстоял.

- Ну, Верховенский, я в первый раз слушаю вас, и слушаю с изумлением, - промолвил Николай Всеволодович, - вы, стало быть, и впрямь не социалист, а какой-нибудь политический... честолюбец?

725 - Мошенник, мошенник. Вас заботит, кто я такой? Я вам скажу сейчас, кто я такой, к тому и веду. Недаром же я у вас руку поцеловал. Но надо, чтоб и народ уверовал, что мы знаем, чего хотим, а что те только "машут дубиной и бьют по своим". Эх, кабы время! Одна беда - времени нет. Мы провозгласим разрушение... почему, почему, опять-таки, эта идея так обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустим пожары... Мы пустим
730 легенды... Тут каждая шелудивая "кучка" пригодится. Я вам в этих же самых кучках таких охотников отыщу, что на всякий выстрел пойдут, да еще за честь благодарны останутся, Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого?

- Кого?

735 - Ивана-царевича.

- Кого-о?

- Ивана-царевича; вас, вас! Ставрогин подумал с минуту.

- Самозванца? - вдруг спросил он, в глубоком удивлении смотря на испуганного. - Э! так вот, наконец, ваш план.

740 - Мы скажем, что он "скрывается", - тихо, каким-то любовным шепотом проговорил Верховенский, в самом деле как будто пьяный. - Знаете ли вы, что значит это слово: "Он скрывается"? Но он явится, явится. Мы пустим легенду получше, чем у скопцов. Он есть, но никто, не видал его. О, какую легенду можно пустить! А главное - новая сила идет. А ее-то и надо, по ней-то и плачут. Ну что в социализме: старые силы разрушил, а новых не внес. А тут
745 сила, да еще какая, неслыханная! Нам ведь только на раз рычаг, чтобы землю поднять. Все подымется!

- Так это вы серьезно на меня рассчитывали? - усмехнулся злобно Ставрогин.

- Чего вы смеетесь, и так злобно? Не пугайте меня. Я теперь как ребенок, меня можно до смерти испугать одною вот такою улыбкой.

750 Слушайте, я вас никому не покажу, никому: так надо. Он есть, но никто не видал его, он скрывается. А знаете, что можно даже и показать из ста тысяч одному, например. И пойдет по всей земле: "Видели, видели". И Ивана Филипповича бога Саваофа видели, как он в колеснице на небо вознесся пред людьми, "собственными" глазами видели. А вы не Иван Филиппович; вы красавец, гордый как бог, ничего для себя не ищущий, с ореолом жертвы,
755 "скрывающийся". Главное, легенду! Вы их победите, взглянете и победите. Новую правду несет и "скрывается". А тут мы два-три соломоновских приговора пустим. Кучки-то, пятерки-то - газет не надо! Если из десяти тысяч одну только просьбу удовлетворить, то все пойдут с просьбами. В каждой волости каждый мужик будет знать, что есть, дескать, где-то такое дупло, куда просьбы опускать указано. И застонет стоном земля: "Новый правый закон
760 идет", и взволнуется море, и рухнет балаган, и тогда подумаем, как бы поставить строение каменное. В первый раз! Строить мы будем, мы, одни мы!

- Неистовство! - проговорил Ставрогин.

- Почему, почему вы не хотите? Бойтесь? Ведь я потому и схватился за вас, что вы ничего не боитесь. Неразумно, что ли? Да ведь я пока еще Колумб без Америки; разве Колумб без

765 Америкы разумен?

Ставрогин молчал. Меж тем пришли к самому дому и остановились у подъезда.

- Слушайте, - наклонился к его уху Верховенский, - я вам, без денег; я кончу завтра с Марьей Тимофеевной... без денег, и завтра же приведу к вам Лизу. Хотите Лизу, завтра же?

"Что он, вправду помешался?" - улыбнулся Ставрогин. Двери крыльца отворились.

770 - Ставрогин, наша Америка? - схватил в последний раз его за руку Верховенский.

- Зачем? - серьезно и строго проговорил Николай Всеволодович.

- Охоты нет, так я и знал! - вскричал тот в порыве неистовой злобы. - Врете вы, дрянной, блудливый, изломанный барчонок, не верю, аппетит у вас волчий!.. Поймите же, что ваш счет теперь слишком велик, и не могу же я от вас отказаться! Нет на земле иного, как вы! Я

775 вас с заграницы выдумал; выдумал, на вас же глядя. Если бы не глядел я на вас из угла, не пришло бы мне ничего в голову!..

Ставрогин, не отвечая, пошел вверх по лестнице.

- Ставрогин! - крикнул ему вслед Верховенский, - даю вам день... ну два... ну три; больше трех не могу, а там - ваш ответ!

780

[Достоевский Ф. М.: Бесы, С. 679-728. Русская литература: от Нестора до Маяковского, С. 22144 ff.(ср. Достоевский: Собр. соч. т.8, С. 380-407 Словарь)]